

Борис Крюк: «Ворошилов всей душой ненавидел эрудитов»

Окончание.
Начало на стр. 1

— Борис, для начала уточните: тот факт, что вы стали преемником дела Владимира Ворошилова, это случайность или его желание?

— Я так хорошо знал «Что? Где? Когда?», что мог вести программу уже давно. Ворошилов ведь с детства меня привлекал к ее обсуждению. Он всегда и у всех спрашивал мнение о передаче, даже у гардеробщих. Уже с 14–15 лет я сам придумывал правила иг-

ры. В 1989 году я стал работать постоянно, вел репетиции. Ворошилову было важно смотреть на игру со стороны. Я читал его текст, а он следили за работой режиссера и оператора. Ну кто еще мог быть преемником? Я с детства был вместе с ним, сначала в меньшей степени, потом в большей придумывал эту программу, участвовал в обсуждении всех вопросов, где-то он учитывал мое мнение, где-то нет. Годом к 30 я дошел до того, что на любой вопрос отвечал: «Я считаю вот так, а Ворошилов скажет вот

этак». Словом, мог предугадать его действия, хотя порой он меня и удивлял. Самое сложное, что кто-то сейчас считает, что я продолжаю дело Ворошилова, а кто-то уверен, что я уже забыл отца-прародителя и делаю другую программу. Я же делаю то же самое, но по-своему.

— Какие изменения произошли в передаче после его смерти?

— Довольно странный вопрос. Об этом пусть судит зритель.

— Остались ли у Ворошило-

ва идеи, которые он не успел воплотить, зато это сделали вы за него?

— Если у Ворошилова появлялась какая-то идея, он ее воплощал тут же. Для него не существовало проблемы времени. «Вы что, не можете за три часа найти барабанщика в том кафе где-то в центре, не помню, как оно называлось, где я был четыре дня назад?! Да я вас всех поувольняю!». Это было для него нормально.

— Ходят слухи, что Владимир Яковлевич был человеком жестким и необычайно требовательным.

— Да, он всех дергал. По его мнению, окружающие должны были постоянно думать про «Что? Где? Когда?». Все дело в том, что у него не существовало такого понятия, как выходной. Даже когда он отдыхал, то думал об игре. Я же был с ним вместе и все это наблюдал. Мы расслаблялись (не в смысле выпивали, это дело он как раз не очень любил), плавали или ходили в горы, но вечером после прогулки он обязательно начинал обсуждать передачу. И злился, если кто-то не поддерживал разговор.

— Вам-то уж, вероятно, по молодости лет не раз от него доставалось? Ворошилов наверняка заставлял вас учиться, частенько проверял уроки?

— С точностью до наоборот. Он вообще считал, что читать целыми днями вредно. Нужно узнавать жизнь напрямую. Думаю, во многом секрет долголетия «Что? Где? Когда?» в том, что Ворошилов очень чувствовал время. Помню, в его предпоследней передаче играли дети знатоков. Я предложил в музыкальную паузу позвать ДеЦла. Когда ДеЦл со своей бригадой приехал на площадку, Ворошилов смотрел на них, как на людей с другой планеты. Ему было интересно, как можно совместить умных детей за столом и совершенно оторванных людей, чей словарный багаж составлял всего-то 50 слов.

— Но все-таки, наперекор не любви отчима к чтению, у вас была настольная книга?

— Я учился в советские времена, и в старших классах мы изучали работы Ленина. Днем мне не хватало силы и мужества читать труды вождя, поэтому сборник с его статьями лежал на моем прикроватном столике. Я читал на ночь глядя

пару абзацев — и здоровый сон был мне обеспечен.

— Как-то все это по-диссидентски звучит. Уж не Владимир Яковлевич настроил вас против ленинских трудов?

— О моей истории с Лениным Ворошилов не знал. Однако был момент, когда он собирался иммигрировать. Это было в 70-х. Ему как раз запретили появляться на телеэкране. Он собирался уезжать вроде в Грецию, было предложение по работе. Мы так и не уехали потому, что мой родной отец не дал разрешение на выезд.

— И все-таки Ворошилов любил отдыхать за границей, раз даже квартиру в Ницце купил?

— Когда, наконец, разрешили выезжать, Ворошилов воспользовался этим и ездил часто, два-три раза в год. Любил там отдыхать, но свой отдых он как всегда совмещал с работой. Я последние три года отдыхаю так же, как и Ворошилов: половину моего чемадана занимают вещи, половину — папки с вопросами.

— И теперь любого можете задавить своей эрудицией?

— Совсем необязательно. Знатокам уже сложно задать вопрос, ответ на который они не знают. В Интернете ведь существует огромная база «Что? Где? Когда?» — больше ста тысяч вопросов. Все знатоки тренируются по ней. Однажды мы ездили в Нью-Йорк обучать нашей игре американских банкиров. Они совершенно очумели от старого вопроса «Назовите самое популярное имя среди шахматистов и кинематографистов». Думали-гадали, а имя-то всего-навсего «Оскар». Важна не эрудиция, а сообразительность.

— Мог ли глава знатоков потягаться своими знаниями с членами элитарного клуба?

— Ворошилов был достаточно эрудированным в том, что касается живописи, театра и кино. Все-таки у него было два образования — художественное и режиссерское. Но он всегда говорил, что эрудиты для него самые ненавистные люди. Особенно те, кто не может применить свои знания на практике.

— Похоже, Ворошилов был на стороне зрителей?

— По большому счету он был сам за себя. Если знатоки играли плохо, то он пытался их раздразнить. Если они играли

хорошо, то он еще сильнее нагнетал ситуацию. Сейчас у меня к знатокам такое же отношение: я жду от них полета мысли и, если они его не демонстрируют, если путаются в ответах, использую подсказки из зала, я встаю на сторону зрителей.

— Интересно, какие отношения были у вашего отчима с членами клуба «Что? Где? Когда?»?

— Он ни с кем не дружил, но ко всем относился с уважением. Был человек, которому он симпатизировал, — это Саша Друзь. А был знаток, на игру с которым он выходил, как на бой, — это Андрей Козлов. Это не значит, что он Андрея не любил. Но, когда играл Козлов, Ворошилов всегда был в тонусе. Сейчас меня также тонизирует команда Мухина.

— В такой ситуации игрокам и до нервного срыва недолго.

— Все бывало. Климович и Аскеров бились головой об стол. Козлов не бился, но тоже реагировал бурно. Их можно понять: игроки ведь чрезвычайно азартны.

— Уж не от вашего ли предвзятого отношения Александр Друзь сбежал в викторину «Своя игра»?

— Я сам его отпустил. Он не очень хорошо чувствовал себя в игре после смерти Ворошилова, ему было неуютно.

— Хотите сказать, что у вас были проблемы со знатоками?

— У меня нет, может, у них со мной были. Понятно, что им с моими авторитарными решениями сложнее соглашаться, чем с мнением Ворошилова. К ведущему «Что? Где? Когда?» надо относиться с уважением и даже неким пиететом, а Саша Друзь знает меня с 13 лет. Сейчас Саша постепенно перестроился, пообвык в игре.

— С Андреем Козловым тоже были проблемы?

— С ним нет, потому что мы много работали вместе. Он вел «Брейн-ринг» — я был там режиссером, я вел «Любовь с первого взгляда» — он был режиссером. Однако впервые после смерти Ворошилова Андрей сядет в кресло игрока лишь в ближайшую пятницу. Не знаю, что за игра будет. С Ворошиловым у него всегда была война, а мы дружим, и мне интересно, как он себя поведет. Наверное, мышцы-то все равно будут готовы к бою.

— Когда-то программа «Лю-

бов с первого взгляда» шокировала отечественных телезрителей. А как Ворошилов к ней относился?

— Он считал, что «Любовь с первого взгляда» уж очень пуританская, что нам надо разговаривать про трусики и бюстгалтеры. Но я этому не соответствовал, а он, как всегда, смотрел далеко вперед. Вести «Любовь...» было намного сложнее, чем «Что? Где? Когда?». Восемь лет шла передача, и все на пределе. Сейчас я уже не смог бы повторить свой подвиг — 30 минут хохмить с залом.

— Ваш голос, звучащий за кадром, идеально подогнан компьютером под голос Ворошилова. Тайна жива. И все же, не скучаете ли вы по прямому общению с публикой?

— Окружающие буквально выталкивают меня в кадр, но я пока не готов. Я был против появления и Ворошилова на экране. Ведь программа родилась из тупика: Владимиру Яковлевичу запретили в 70-х годах показываться на телеэкране, а он обожал преодолевать трудности, вот он и придумал такую программу, где ведущий был бы за кадром. Пару первых программ провел Масляков. Потом «Что? Где? Когда?» стало уходить от развлекательности в сторону театральности. А в домике в Нескучном саду игры приобрили мистический смысл. Думаю, не случайно Ворошилов именно тогда стал называть «Что? Где? Когда?» элитарным клубом.

— Владимир Ворошилов останется легендой отечественного телевидения. Но для вас, вероятно, в первую очередь он был близким человеком. Можно ли назвать Ворошилова нежным отчимом?

— Отчимом я его называю лишь, чтобы народу было понятно. На самом деле он был мне как дружка — если не Вован, то Вовка.

— Неужели так и называли?

— Я перешел с ним на «вы», лишь когда устроился к нему на работу. А до этого, с 7 до 23 лет, я называл его Вовка. Ворошилов вообще не очень понимал, кто такие дети. Помню, он устраивал жуткие скандалы, если мама (Наталья Степановна, гендиректор телекомпании «Игра». — Авт.) подкладывала мне какой-то кусок, на который он нацелился. Разговаривая с ним, я не подбирал

слова, как с мамой, мог резануть «отстань». И он не обижался. Это был единственный взрослый человек, который был со мной с самого детства на равных.

— Говорят, он был очень нежен со своей дочкой от гражданского брака. Еще бы, ведь он впервые стал отцом в 67 лет!

— Мне сложно судить. То, как подавал это Ворошилов в общении со мной, расходится с тем, как это подают сейчас Анатолий Лысенко и Михаил Шатров. Я не раз слышал в трубку: «Опять она орет. Сколько можно. Уберите ее отсюда». Помню, как уговаривал его, что это маленький ребенок, что это нормально — мой-то дети старше ее. Однако со мной он старался эту тему не поднимать, видно, чувствовал — и, кстати, совершенно напрасно — некоторую неловкость.

— Сейчас вы общаетесь с матерью его ребенка Натальей Климовой и маленькой Наташей?

— Я несколько раз виделся с девочкой, и мы отлично друг друга поняли. Я вообще к детям очень хорошо отношусь. У меня их, правда, только двое. Наташа совершенно удивительна. После смерти Ворошилова мы приехали к ним с большой компанией сотрудников. Из всех она выделила меня и мою маму и увела с собой в детскую. Ей было всего 3 года. Но ее мама старается нас избегать, что тоже зря.

— А в своих детях вы видите продолжателей телединастии?

— Дочка программу не смотрит, сын иногда интересуется. Но у меня нет никаких династических мыслей. Честно говоря, я сам далеко не уверен, что это может продолжаться еще так же долго.

— Остается ощущение, что вам не так-то просто продолжать дело Ворошилова?

— По многим причинам «Что? Где? Когда?» стало стилем моей жизни. Прямой эфир не дает расслабиться. Раньше я снимал «Любовь с первого взгляда» так: собрались на три месяца и отсняли 40 программ на год вперед. А здесь один сезон закончился, месяц на подготовку и начинается новый. Постоянно находишься в напряжении и действительно, как Ворошилов и мечтал, все время думаешь о «Что? Где? Когда?».

Валерия ВАЛЬЦОВА